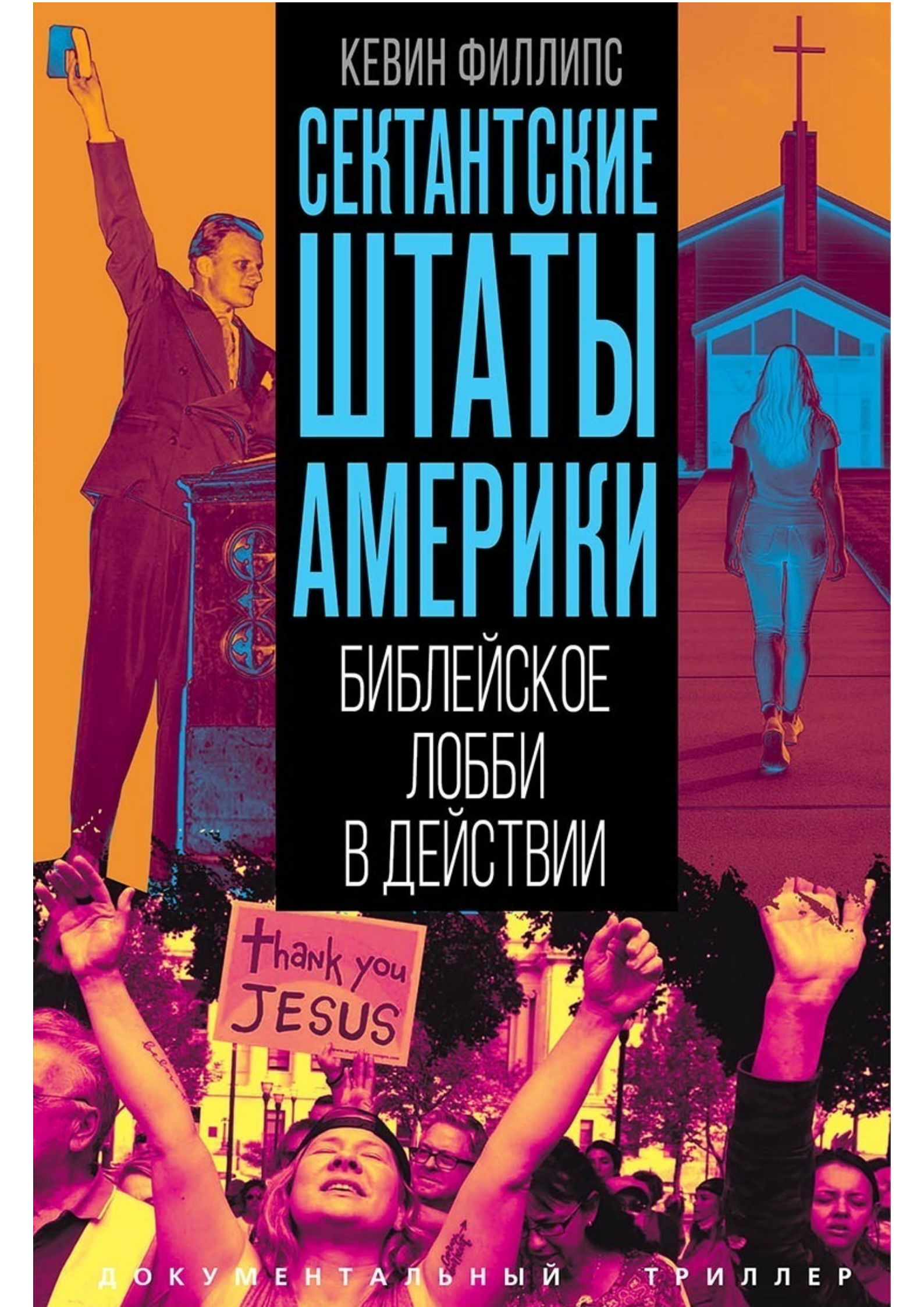

КЕВИН ФИЛЛИПС

СЕКТАНТСКИЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

БИБЛЕЙСКОЕ
ЛОББИ
В ДЕЙСТВИИ

Thank you
JESUS

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Кевин Филлипс

**Сектантские штаты Америки.
Библейское лобби в действии**

«Алисторус»

2026

УДК 322.22
ББК 86.3std1-123

Филлипс К.

Сектантские штаты Америки. Библейское лобби в действии /
К. Филлипс — «Алисторус», 2026 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00269-487-7

За последние десятилетия радикальная религиозность в США получила беспрецедентное распространение, а воинственные псевдохристианские секты получили влияние, о котором ранее и не мечтали. Начиная со времен Буша-младшего в США происходило постепенное сращивание религии и государства. Южная баптистская конвенция, до того не пользовавшаяся большим влиянием, стала фактически государственной религией, получающей гигантские денежные вливания со стороны американского бюджета, обласканной вниманием президентов, конгрессменов, чиновников. Неокальвинистские, баптистские, евангелические, пятидесятнические пасторы, вещающие о скором пришествии Апокалипсиса, об Антихристе, разоблачающие «деградацию» и всюду ищущие грех, — заполнили эфир американских телеканалов и Интернет. «Библейское лобби» стало оказывать непропорционально огромное влияние на американскую политику, все более подталкивая страну к поддержке Израиля. Именно на этой почве вырос трампизм. Эта книга рассказывает о том, как началось превращение США в теократию, где несогласным нет места. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 322.22
ББК 86.3std1-123

ISBN 978-5-00269-487-7

© Филлипс К., 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

Предисловие	7
Глава первая. Топливо и национальная мощь	15
Краткая история западной топливной безопасности	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кевин Филлипс
Сектантские штаты Америки.
Библейское лобби в действии

© Филлипс К., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие

Американский народ не глуп. Именно поэтому, когда за последние сорок лет социологи спрашивали, движутся ли Соединенные Штаты в правильном направлении или сбились с пути, они так часто слышали второй ответ: страна идет неверным курсом. Так было и в конце 2005 года.

Поскольку опросчики не всегда добираются до сути, эта книга попытается предложить свои объяснения. Безрассудная зависимость от сокращающихся запасов нефти, среда, пропитанная радикализированной (и чересчур влиятельной) религией, а также опора на заемные деньги – долг, раздувшийся до небывалых размеров, и множественные внутренние и международные дефициты – вот три главные угрозы, стоящие перед Соединенными Штатами в двадцать первом веке.

Разве война и террор не должны быть в этом списке? Да – и они там присутствуют, но на шаг отстраненно. Оба явления в значительной мере черпают нынешний импульс из взрывоопасной подоплеки нефтяной политики и религиозного фундаментализма – как в исламском мире, так и на Западе. Несмотря на риторику о высоких мотивах вроде свободы и независимости, нефть и связанная с ней геополитика определяли англо-американскую деятельность на Ближнем Востоке целое столетие. В этом отношении история не оставляет сомнений.

Излишества фундаментализма, в свою очередь, свойственны не только слишком очевидным хищническим устремлениям радикального ислама, но и Америке с Израилем. Торговцы идеями восхищения, конца света и Армагеддона в Соединенных Штатах ничем не уступают любым шиитским аятоллам, а последние два президентских выбора ознаменовали превращение Республиканской партии в первую религиозную партию в истории США.

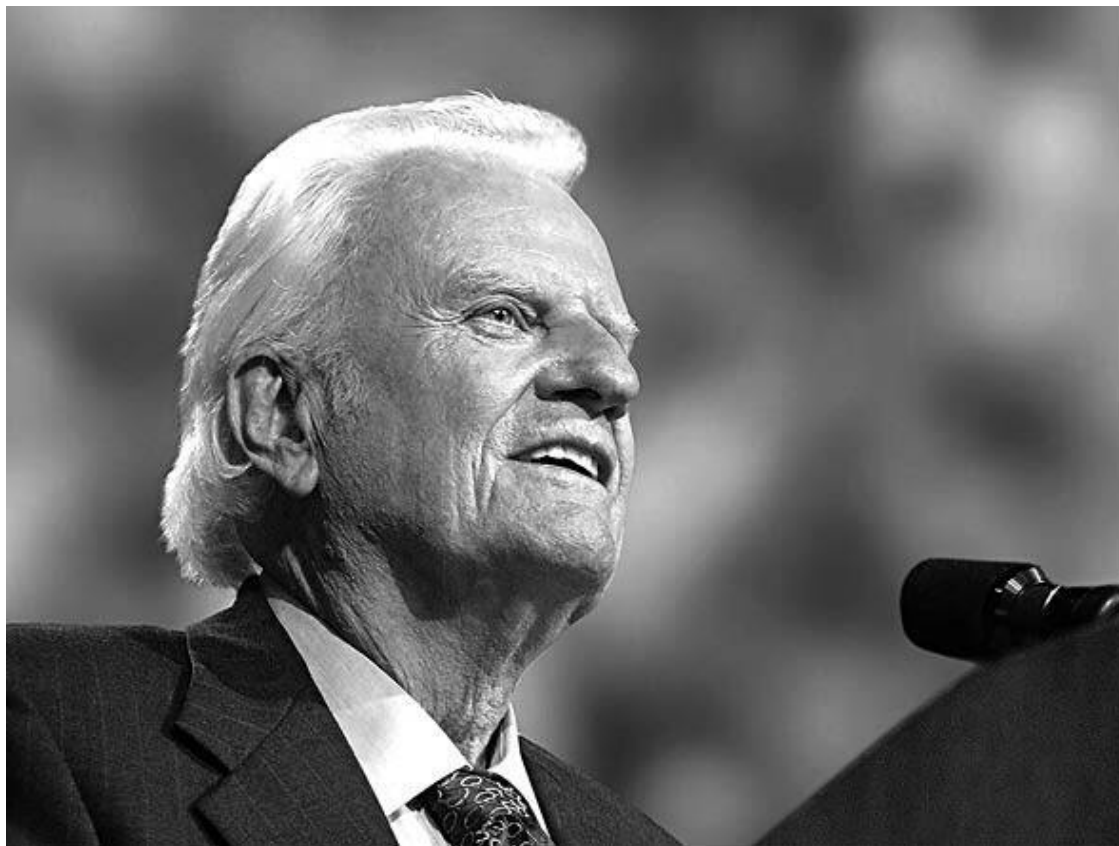
Финансизация экономики США за последние три десятилетия – в 1990-е годы сектор финансов, недвижимости и страхования обошел, а затем и значительно опередил обрабатывающую промышленность по доле в валовом внутреннем продукте США – сама по себе является дурным предзнаменованием. Однако ее подъем тесно связан с рекордным уровнем задолженности и мощным появлением индустриального комплекса, основанного на долгах и кредитах. Чрезмерная задолженность в Соединенных Штатах двадцать первого века становится глобальным пятым всадником Апокалипсиса, скачущим следом за войной, мором, голодом и огнем.

Название этой книги – «Американская теократия» – подводит к осознанию глубоких изменений во внутренней и внешней политике страны: новому политическому влиянию религии и ее роли в проекции военной мощи на библейские земли Ближнего Востока, – которые большинство людей только начинают понимать. В Северной Америке уже бывали теократии – в пуританской Новой Англии, а затем в мормонском штате Юта, – но, за исключением самых ранних этапов, они не достигали той интенсивности, что теократии в Европе, например, женевская эпоха Жана Кальвина или католическая Испания времен инквизиции.

В сущности, большинство христианских теократий, о которых пишут историки, обладали двумя необычными и почти определяющими характеристиками. Во-первых, они были очень малы в географическом плане. Во-вторых, и это важнее, они были демографическим результатом миграций истинно верующих. Население Женевы времен Кальвина в XVI веке увеличилось за счет французских протестантских беженцев, а голландские кальвинисты-реформаты в Нидерландах получили сходное пополнение от фламандских беженцев, бежавших из контролируемого испанцами Антверпена. Колония Массачусетского залива, в свою очередь, была основана английскими пуританами-эмигрантами, а мормоны XIX века в Юте представляли собой еще одну миграцию, устремленную в Сион. Что касается Испании, то, несмотря на воинствующий католицизм и печально известную инквизицию, она была слишком большой и разнообразной страной, чтобы вписаться в модель малой теократии. Попытки XVII века закрыть

испанские театры, игорные дома и бордели провалились, а золотой век испанской литературы и искусства – от Сервантеса до Эль Греко – процветал в Толедо и Мадриде под покровительством двора, церкви и знати, несмотря на периодические гомосексуальные связи и скандалы, которым инквизиция не придавала большого значения.

Американская теократия принадлежит к этой менее строгой разновидности. Соединенные Штаты слишком велики и слишком разнообразны, чтобы походить на колонию Массачусетского залива времен Джона Уинтропа, на Женеву XVI века или даже на Юту XIX века. Такая ведущая мировая держава, как Соединенные Штаты, с почти тремястами миллионами жителей и огромной международной ответственностью, достигает максимально возможной в теократическом направлении степени, когда удовлетворяет тем прискорбным критериям, что были налицо в Вашингтоне примерно в 2005 году: избранный лидер, который считает, что каким-то образом говорит от имени Бога; правящая политическая партия, представляющая религиозных истинно верующих и стремящаяся мобилизовать церкви; убежденность многих избирателей из этой Республиканской партии в том, что правительством должна руководить религия; а сверх всего – реализация Белым домом внутри- и внешнеполитических программ, которые, судя по всему, движимы религиозными мотивами и библейским мировоззрением. Все эти факторы и многие другие подробно рассматриваются во второй части этой книги.

Билли Грэм – один из самых влиятельных проповедников США, духовник многих американских проповедников, получил прозвище «Пулемёт Божий».

Три угрозы, на которых делается акцент на этих страницах, и сами по себе могли бы считаться опасностями для Республики. Однако история дает дополнительный уровень подтверждения. Природные ресурсы, религиозные излишества, войны и растущие долги были заметными причинами упадка прежних ведущих мировых экономических держав. Соединенные Штаты далеко не первые, и мы можем извлечь уроки из примеров того, что шло не так раньше.

Нефть, как всем известно, стала важнейшим топливом американского глобального господства в XX веке. Но до этого в XIX веке гегемоном был уголь в руках Британии, а в XVII веке голландцы использовали силу ветра и воды. Ни та, ни другая нация не смогла сохранить свое мировое экономическое лидерство, когда мир переходил к новому энергетическому режиму. Сегодняшние Соединенные Штаты, несмотря на отрицания, очевидным образом выстроили значительную часть своей зарубежной военной инфраструктуры вокруг нефти, охраняя нефтяные месторождения, трубопроводы и морские пути.

Но озабоченность США Ближним Востоком имеет два измерения. Помимо забот о нефти и терроризме, Белый дом заигрывает с теологами конца времен и избирателями, для которых святые земли уже являются полем битвы христианской судьбы. Оба устремления – нефть и библейские ожидания – требуют от Вашингтона такой диссимуляции, которая подрывает традиционную приверженность США принципу информированного электората.

Политическое следствие – одновременно увлекательное и ужасающее – заключается в недавней трансформации президентской коалиции республиканцев. После выборов 2000 года и особенно 2004 года три опоры стали играть все более центральную роль: (1) комплекс «нефть – национальная безопасность» с его всепроникающими интересами; (2) религиозные правые с их доктринальными императивами и огромным электоратом; (3) финансовый сектор, работающий с долгами и простирающийся далеко за пределы старой символики Уолл-стрит. В декабре 2004 года *The New York Times* использовала термин «индустриальный комплекс заемщика», чтобы обозначить один из прибыльных двигателей взрывного роста потребительской задолженности.

Это название не совсем точно, но ведь мы не можем употреблять такие термины, как «индустриальный комплекс кредитных карт, ипотеки, автокредитов, корпоративного долга и федеральных заимствований». Это проблема, которая все еще ищет свою хэллоуинскую маску для дня выборов. В любом случае, стремительное раздувание государственного, корпоративного, финансового и личного долга за последние четыре десятилетия во многом объясняет, почему финансовый сектор, сборщик долгов, разросся до того, что перевесил производство реальных товаров. Мы находимся в разгаре одного из самых извращенных преобразований в Америке.

Джордж У. Буш способствовал этим альянсам, группам интересов и лежащим в их основе ценностям. Его семья на протяжении нескольких поколений была связана с политикой, сочетавшей финансы, национальную безопасность и нефть. В последние десятилетия, действуя из федеральной исполнительной ветви власти, Буши установили тесные связи с евангелическими и фундаменталистскими влиятельными кругами самых разных убеждений. Эти истоки, страсти и практики были подробно описаны в моей предыдущей книге «Американская династия: аристократия, богатство и политика обмана в доме Бушей» (2004). Поэтому в настоящем томе я в основном возвращаюсь к влиянию семьи на развитие этих тенденций и руководство этими группами избирателей.

За три десятилетия президентств, вице-президентств и директорства в ЦРУ представителей семьи Бушей Республиканская партия постепенно стала инструментом всех трех интересов – слияния национальной безопасности, определяемой нефтью; воинственного упрощенного христианства и безрассудного финансового комплекса, подпитываемого кредитами. Эти три силы все больше объединяются в своей приверженности республиканской политике, даже если не полностью согласны друг с другом. На самом важном фронте я начинаю думать, что доминирующий в южных штатах, движимый Библией вашингтонский Республиканский альянс представляет собой преступную коалицию, подобную той южной прорабовладельческой политике, которая контролировала Вашингтон до избрания Линкольна в 1860 году.

Но и национальные демократы тоже повинны. Их непонимание и недостаток решимости способствовали мутации Республиканской партии. Без этой слабой и путаной оппозиции –

как до 11 сентября, так и после, – республиканская трансформация была бы неполитичной и, вероятно, невозможной.

Очевидно, что ловушки нефтяной политики, радикальной религии и долгового финансирования необходимо рассматривать сами по себе. Однако у меня есть личное беспокойство по поводу того, во что превратилась республиканская коалиция. Сорок лет назад я начал книгу, законченную в 1967 году и использованную в президентской кампании республиканцев 1968 года, для которой я стал главным аналитиком по вопросам политики и моделей голосования. Опубликованная в 1969 году, когда я еще работал в молодой администрации Никсона, книга «Возникающее республиканское большинство» вызвала ожесточенные споры. Newsweek назвал ее «политической библией эпохи Никсона».

В этой книге я ввел термин «Солнечный пояс» для обозначения регионов нефтяной, военной, аэрокосмической промышленности и центров жизни пенсионеров, простиравшихся от Флориды до Калифорнии, но споры сосредоточились вокруг утверждения – которое сбылось и даже перевыполнилось, – о том, что Юг движется к вхождению в общенациональную Республиканскую партию. Четыре десятилетия спустя эти рамки породили ту тройственную мутацию, о которой пойдет речь в этой книге.

Часть этой эволюции всегда была неявной. Если какой-то регион Соединенных Штатов и обладал потенциалом для порождения мощного воинствующего фундаментализма, так это был Дикси. Если какой-то новый альянс и обладал потенциалом для взращивания слияния нефтяных интересов и военно-промышленного комплекса, так это был Солнечный пояс, который способствовал их коммерческому и политическому сближению и сотрудничеству. Уолл-стрит, конечно, давно входит в коалицию Республиканской партии. С другой стороны, члены Ассоциации делового центра и Клуба Линкс никогда не питали энтузиазма по поводу «просто Джо» и среднего класса Америки, не говоря уже о проповедниках вроде Орала Робертса или Ассамблеи Бога из Тупело, штат Миссисипи. Это новое сосуществование – противоестественно.

В книге «Возникающее республиканское большинство» мало говорилось о нефти, отчасти потому, что я знал: к моменту выхода книги я буду работать в правительстве. Тем не менее нефтяникам нравилась её политическая концепция, и я развил анализ, актуальный и по сей день: что нефтяные, угольные и газовые регионы страны, несмотря на внутренние разногласия, станут региональными оплотами новой общенациональной республиканской коалиции, ориентированной на «сердцевину» страны. До того эти интересы разделяла политическая линия Мейсона – Диксона. Это разделение должно было прекратиться – и прекратилось.

Несколькими годами ранее, изучая экономическую географию и историю в Британии, я увлекся евразийской теорией Хартленда сэра Хэлфорда Маккиндера, видного географа начала XX века. Маккиндер утверждал, что контроль над Хартлендом определит контроль над миром. В Северной Америке, как я полагал, объединение Хартленда – через угасающие линии Гражданской войны – определит контроль над Вашингтоном.

Знаток словесности Уильям Сефайр в своей статье о Хартленде в «Новом языке политики» сослался на Маккиндера. Затем он отметил: «Политический аналитик Кевин Филлипс применил этот старый геополитический термин к политике США в своей книге 1969 года “Возникающее республиканское большинство”: “Двадцать один из двадцати пяти штатов Хартленда поддержали Ричарда Никсона в 1968 году... На протяжении оставшейся части века Хартленд будет доминировать в американской политике вместе с пригородами, Югом и Калифорнией, находящейся под влиянием Солнечного пояса”».

Это была прелюдия к сегодняшним «красным штатам». Мировоззрение Маккиндера обрело второе дыхание, поскольку его евразийский «кокпит» вновь стал осью международной борьбы за нефть. В сходном контексте американский Хартленд – от Вайоминга, Колорадо и Нью-Мексико до Огайо и угольных штатов Аппалачей – стал (наряду с остальной частью бывшей Конфедерации) оплотом политического альянса, ориентированного на ископаемое

топливо, – избирательной углеводородной коалиции. Она дорожит внедорожниками и мягкой политикой в отношении выбросов углекислого газа и приветствует превентивные авиаудары США по несговорчивым странам Персидского залива, которые питают террористам и, кстати, обладают огромными запасами нефти.

Поскольку Соединенные Штаты начинают исчерпывать собственные источники нефти, военное решение энергетического кризиса едва ли можно назвать безумием. Ни Цезарь, ни Наполеон не дрогнули бы, и соблазн по крайней мере понятен. Но с чем Цезарь и Наполеон не сталкивались, а менее способные американские президенты сталкиваются, – это с тем, что неудачная военная авантюра за рубежом, сама по себе прискорбная, может бумерангом ударить по экономике. Соединенные Штаты, имеющие около четырех триллионов долларов международного долга, стали крупнейшим в мире должником, и их всё больше беспокоит, что некоторые страны начнут продавать доллары из своих резервов и переводить свои активы в другие валюты. Вашингтон печатает облигации и зеленые долларовые расписки, которые европейские и азиатские банкиры накапливают до тех пор, пока по какой-либо причине не теряют терпение. Это ахиллесова пята долга, стоящая рядом с ахиллесовой пятой нефти.

К сожалению, не меньшая или даже большая взрывоопасность скрывается в отзывчивости новой республиканской коалиции на нужды христиан-евангелистов, фундаменталистов и пятидесятников, которые составляют около 40 процентов избирателей партии. Многие миллионы верят, что описанный в Библии Армагеддон грядет скоро. Хаос на взрывоопасном Ближнем Востоке – отнюдь не угроза, а напротив, предвещает долгожданное второе пришествие Иисуса Христа. Скачки цен на нефть, смертоносные ураганы, разрушительные цунами и таяние полярных ледяных шапок только укрепляют эту веру.

Потенциальное взаимодействие между избирателями, ориентированными на концепцию конца света, неумелой погоней за нефтью Персидского залива, множественными обманами Вашингтона и кредитно-финансовым кризисом, который может последовать за масштабной ликвидацией иностранными держателями американских облигаций, – это материал для кошмаров. Наблюдать за тем, как модели голосования в США позволяют проводить такую политику, – республиканская коалиция вряд ли повернет вспять, – удручает человека, который потратил много лет на исследование этих самых низовых движений, следил за ними и радовался им.

Четыре десятилетия назад, хотя в «Возникающем республиканском большинстве» мало говорилось о южных фундаменталистах и евангелистах, было ясно, что новая республиканская коалиция получит мощный приток консервативных католиков-северян и протестантов-южан. Это меня нисколько не тревожило. В 1970-е и частично 1980-е я разделял преобладающий в Республиканской партии аргумент о том, что «светские» либералы, глубоко ошибаясь в оценке глубины и важности религии в Соединенных Штатах, предоставили консерваторам мощную и легитимную электоральную возможность.

С тех пор мое понимание интенсивности религии в Соединенных Штатах углубилось. Ее огромное наследие, доставшееся от XVIII и XIX веков, породило сходную евангелическую волну в XX и начале XXI века. В 1998 году, после многих лет исследований, я опубликовал «Войны кузенов» – обширное исследование трех великих внутренних потрясений в англоязычном мире: гражданской войны в Англии 1640-х годов, Войны за независимость США и Гражданской войны в США. В каждой из этих междоусобиц религиозные разногласия настолько сильно определяли выбор людьми стороны, что проявились устойчивые линии – пиетисты и пуритане против сторонников высокой церкви, а также повторяющаяся убежденность воинствующих евангелистов (с 1640-х по 1860-е годы, достигшая апогея в Гражданской войне в США) в том, что их дело – дело свободы и протестантской Реформации. Общий анализ и документация были восприняты достаточно серьезно, чтобы книга стала финалистом Пулитцеровской премии по истории того года. Более того, моя жена и я были настолько впечатлены исто-

рической ролью посещенных нами десятков церквей XVIII века – от пастельных карибских оштукатуренных зданий англиканского Юга Каролины до каменных крепостей пресвитерианской Пенсильвании и белых конгрегационалистских молитвенных домов Новой Англии, – что подумывали когда-нибудь написать о них книгу (до сих пор подумываем).

Рейнгольд Нибуэр – один из основных теоретиков неокальвинизма.

Такова была непреходящая значимость религии в Соединенных Штатах, когда в 1960-е годы и позже по ней стали топтаться светские активисты, решившие вытеснить христианство из публичного пространства, – ошибка, которая вызвала евангелическую, фундаменталистскую и пятидесятническую контрреформацию, в некоторых отношениях набирающую силу до сих пор. Как будет показано во второй части, сильное теократическое давление уже заметно в

общенациональной республиканской коалиции и ее руководстве, в то время как значительная часть христианской Америки, приверженная теориям Армагеддона и безошибочности Библии, уже превратила Республиканскую партию в первую религиозную партию Америки.

Ее религиозность пронизывает все сферы – от внутренней политики до внешних отношений. Помимо критической поддержки вторжения в Ирак, которое многие проповедники клеймили как вторую Вавилонию, конфликт республиканской коалиции с наукой породил с полдюжины споров. Среди них – основанное на Библии неверие в дарвиновскую теорию эволюции, отрицание глобального потепления, несогласие с геологическими объяснениями истощения запасов ископаемого топлива, религиозное неприятие глобального планирования рождаемости, умаление прав женщин, противостояние исследованиям стволовых клеток и так далее. Это позволяет предположить, что американское общество и политика, возможно, снова движутся к знаменательному спору, подобному «обезьяняемому процессу» Скоупса 1925 года. Тогда унижение отрезвило фундаментализм на целое поколение, но исход грядущей проверки в XXI веке отнюдь не предрешен.

Покупатели книг поймут: в этих Соединенных Штатах книги, способные разойтись тиражом в двести-триста тысяч экземпляров в твердой обложке, встречаются нечасто. Не редкость, просто нечасто. И тут вспомним издательский успех проповедника конца света Тима Ла Хэя, который ранее (в 1981 году) выступил политически прозорливым основателем вашингтонского Совета по национальной политике. Начиная с 1994 года Ла Хэй успешно выступил соавтором серии книг о восхищении церкви, великой скорби и пути к Армагеддону, которые с тех пор разошлись тиражом около шестидесяти миллионов экземпляров в печатном, видео- и аудиоформате. Евангелист Джерри Фолуэлл назвал это событие, вероятно, самым влиятельным религиозным издательским проектом со времен Библии. Несколько романов из серии «Оставленные» поднимались на первое место в списке бестселлеров художественной литературы The New York Times, а общая аудитория серии, вне всякого сомнения, достигла пятнадцати-двадцати миллионов американских избирателей. Политические помощники в Белом доме Буша, должно быть, прочли несколько томов, хотя бы ради того, чтобы понять настроения своей электоральной базы.

В этом отношении книги были весьма информативны. Романы Ла Хэя давали намеки, о которых серьезные издания редко писали, объясняя, почему призыв Джорджа Буша к войне в Ираке в 2002–2003 годах сопровождался насмешками над ООН, акцентами на «порочном режиме» в Багдаде и притворством, что мотивом была демократия, а не нефть. Ла Хэй по сути разработал этот сюжет почти десятью годами ранее. Его злой антихрист, у которого был французский финансовый советник и который пришел к власти через Организацию Объединенных Наций, размещал свою штаб-квартиру в Новом Вавилоне, Ирак, неподалеку от Багдада – логова бушевского главного дьявола Саддама Хусейна. Вымышленная «Сила скорби», сражавшаяся во имя Бога, олицетворяла добро и не имела ничего общего с нефтью, которая была одной из зловещих шахматных досок антихриста.

Двадцать лет назад The New York Times не включила бы Ла Хэя в список бестселлеров, а сценарий о том, что его сочинения могут влиять на Белый дом, мог быть только шуткой. Сегодня это не так. В конце 2004 года уходящий на пенсию тележурналист Билл Мойерс, сам рукоположенный баптистский священник, нарушил светские приличия. Он сказал аудитории Гарвардской медицинской школы: «Одно из самых больших изменений в политике за мою жизнь состоит в том, что бредовое больше не маргинально. Оно пришло из глубинки и восседает на месте власти в Овальном кабинете и в Конгрессе. Впервые в нашей истории идеология и теология обладают монополией на власть в Вашингтоне».

Я бы выразился несколько иначе. Эти события исказили Республиканскую партию и ее электоральную коалицию, приглушили голоса демократов и стали нарастающей угрозой для будущего Америки. Ни одна ведущая мировая держава в новейшей истории не становилась

пленницей – даже частичной пленницей – той разновидности библейской безошибочности (захолустной, а не магистральной), которая отвергает современное знание и науку. Последний параллельный случай был в начале XVII века, когда папство при согласии инквизиционной Испании призвало к ответу астронома Галилея за утверждение, что в центре нашей Солнечной системы находится Солнце, а не Земля.

Глава первая. Топливо и национальная мощь

Контролируй энергию – и ты будешь контролировать народы.
Генри Киссинджер

Вы и ваши предшественники в нефтегазовой индустрии сыграли огромную роль в том, чтобы двадцатый век стал «американским веком».
Спенсер Абрахам, министр энергетики, речь перед Американским институтом нефти, 2002 год

Не проходит и дня без очередного разоблачения, без новой громкой новости о том, что наш блестящий энергетический успех достигается дорогой ценой – загрязнение воздуха и токсичные свалки, отключения электричества и скачки цен, мошенничество и коррупция, и даже войны. Та промышленная уверенность, которая была побочным продуктом нашей глобальной энергетической экономики на протяжении большей части двадцатого века, постепенно сменилась тревогой.
Пол Робертс, «Конец нефти», 2004 год

С начала двадцатого века нефтяная эпоха в мире была также эпохой американского господства. Взаимосвязь между этими явлениями вряд ли кто-то оспаривает. Нефть – это не просто символ глобальной мощи США, она была топливом для их военной силы, для промышленного превосходства в двадцатом веке и для порожденной позже культуры газонкосилок-внедорожников. Нефтяное изобилие всегда было частью того, за что Америка сражается, и того, с чем она сражается.

До недавнего времени американцы успешно управляли своей нефтяной эпохой. Как и в случае с предыдущими переломными энергетическими режимами, наше мастерство было своеобразным, своевременным сочетанием ресурсной базы, технического совершенства и массового понимания. Иными словами, за последние несколько сотен лет каждая ведущая мировая экономическая держава въезжала на страницы истории верхом на новом энергоресурсе. С конца XVIII до начала XX века Британия делала это благодаря своему новаторскому мастерству в использовании обильного угля. Американские годы у руля, в свою очередь, определялись национальной вовлеченностью в следующий крупный ископаемый ресурс – нефть.

Неопределенность с поставками нефти в XXI веке вновь разожгла в США научный интерес к историческому феномену войн за ресурсы, которые сейчас, очевидно, надвигаются более зловеще, чем когда-либо. Столь же важным, следовательно, должно быть стратегическое овладение ресурсными базами со стороны современных мировых держав. Тезис этой главы заключается в том, что необычные способности эксплуатировать единственный энергоресурс ради прибыли и могущества – в прямом и политическом смысле – были жизненно важны для возвышения ведущих мировых экономических держав.

Эти господства пересекались, хотя и не полностью совпадали, с изобретательными отношениями с определяющими видами топлива. Обратная сторона, насколько можно судить, заключалась в том, что страна, сумевшая воспользоваться уникальной энергетической возможностью, не обладала средствами, чтобы справиться со следующей. Таким образом, неизбежный глобальный переход в XXI веке от нефти к постнефтяному режиму – будь то природный газ, водород, большая опора на ядерную энергетику, возобновляемые источники или различные гибриды очищенных ископаемых видов топлива, – может привести к тому, что Соединенные Штаты будут вытеснены новой ведущей экономической державой, вероятно, азиатской. Ран-

няя история китайских инноваций в гидравлике, использовании природного газа и глубоком бурении может оказаться здесь уместной.

Это не означает принятия какой-то смутно марксистской минеральной предопределенности – связывающей мощь наций с природными ресурсами так, что это принижает такие факторы, как религия, национализм или харизматическое лидерство. Что представляется ясным, так это то, что топливо было одной из нескольких опорных точек. Затем, на протяжении поколений, мировые энергетические лидеры – голландская изобретательность XVII века с водой, ветром и деревом, британское мастерство с углем и американское умение с нефтью, – неизменно развивали сопутствующие инфраструктуры из корпоративных, правительственных и культурных обязательств. Инновации одного поколения становятся окопами последующей эпохи.

Британия, находясь на грани упадка, наивно встретила военное и экономическое будущее в шоке 1914–1945 годов с сажевой транспортной и энергетической структурой, все еще укорененной в средневикторианской коммерческой географии угольных месторождений, каналов, железных дорог и скобяных лавок. Соединенные Штаты, в свою очередь, вступают в XXI век с ресурсной базой падающей добычи нефти и газа и сетью стареющих электростанций, трубопроводов и нефтеперерабатывающих заводов. В серьезные балансы необходимо также включать затраты на содержание населения, беззаботно расселившегося по пригородам и экзогородьям под влиянием психологии дешевого газа и нефти, господствовавшей в сороковые, пятидесятые и шестидесятые годы, а в последнее время подкрепленной нынешней миграцией в «микрорайоны» районы вдоль внешних пригородных межштатных шоссе коридоров. Когда в 2005 году цены на бензин в США достигли трех долларов за галлон, в сообщениях СМИ стали отражаться травмы сельских, малых городских и экзгородских американцев, которые ездили на работу за многие мили. Другие последствия варьируются от инерции активов нефтяных гигантов, таких как ExxonMobil, до потенциальной неплатежеспособности некогда гигантов Детройтского автопрома, поскольку производство внедорожников становится менее волшебным-прибыльным, чем казалось раньше.

Поскольку добыча нефти в США неуклонно падает с пика 1970 года, а варианты замещения неясны, американцы уже прибегли к одному исторически знакомому средству: военному захвату части Ближнего Востока, где, как ожидается, к 2020 году будет сосредоточено две трети оставшихся в мире запасов нефти. Глобальный спрос со стороны других стран будет давить еще сильнее, чем сейчас. По мере ужесточения поставок страны Латинской Америки и Азии, особенно Китай, Индия и Япония, чьи потребности в топливе стремительно растут, также будут строить козни и конкурировать за них. Энергетические аналитики начали включать напоминания о военных аспектах – высокой исторической частоте войн, которые велись за природные ресурсы, – в некоторые из недавно опубликованных в Северной Америке книг: тома с резкими названиями, такими как «Конец нефти: на грани опасного нового мира»; «Кровь и нефть: опасности и последствия растущей зависимости Америки от импортной нефти»; «Праздник окончен: нефть, война и судьба индустриальных обществ» и «Переход Рубикона: упадок Американской империи в конце нефтяной эпохи». Эти работы, наряду с другими, более техническими, собирают экспертные геологические анализы в поддержку утверждения, что, по крайней мере, мировые поставки нефти будут сокращаться в 2010-х и 2020-х годах даже по мере того, как коммерческий спрос будет расти как грибы.

Обсуждение американской политики в связи с этой глобальной проблемой последует во второй главе, а затем перейдет к анализу пружин нефтяного империализма США в третьей главе. Однако в этой первой главе ставится цель задать базовую канву: Соединенные Штаты – давняя нефтяная держава (в лучшем случае – нефтегазовая держава), и старение их энергетической инфраструктуры, охраняемой глобально агрессивной политической коалицией с

глубоко укоренившимися интересами, является предвестником дорогостоящих конфликтов и военных авантур, которые, вероятно, приведут к национальному упадку.

Человеческая природа вряд ли претерпела изменения. Доиндустриальные общества часто враждовали из-за природных ресурсов: еды, воды, древесины для огня и жилья. Современная история была лишь немного тоньше. Природные ресурсы вызывали или обостряли войны XVI, XVII и XVIII веков за балтийский лес и корабельные припасы, североатлантическое рыболовство, пряности Ост-Индии, карибский сахар и соль, а также за золото и серебро Нового Света. После промышленной революции ископаемые виды топлива, такие как уголь и нефть, попали в прицел великих держав.

Многие захваты ресурсов увенчались успехом. Более широкая дилемма для Соединенных Штатов XXI века, к сожалению, имеет финансовую сторону. Прошлые ведущие державы в конечном счете страдали от имперской гордыни – неуместной самоуверенности, которая приводила их к стратегическому перенапряжению, которое они больше не могли себе позволить. Результатом часто был униженный гегемон, оставшийся с непосильным бременем долгов, утраченными торговыми преимуществами, обесцененной валютой и растущей уязвимостью по мере того, как соперники наращивали свой статус стран-кредиторов, финансовых центров и технологических новаторов.

Разумеется, не все тенденции следуют экстраполяциям ранних стадий. Истории могут потребоваться десятилетия, чтобы решить, будут ли Соединенные Штаты восхвалены за восстановление своего бывшего глобального нефтяного господства или подвергнуты презрению за то, что шли по стопам прежних держав, которые просчитались и споткнулись.

Что можно сказать с уверенностью, так это следующее: испытанное временем топливо американского могущества истощается – и притом в чрезвычайно неподходящий момент. Последствия этого неизбежно повлияют на глобальную силу доллара, что ставит перед американскими стратегами двойной вызов.

Краткая история западной топливной безопасности

Беспечность в отношении истории топлива заслуживает отдельного сущестительного. Откровенные обсуждения высшими американскими чиновниками пика добычи нефти в США в 1970 году и не столь отдаленного пика мировой добычи были, мягко говоря, редки. Такое легкомысленное поведение игнорировало расчеты геологов относительно старения и истощения мировых нефтяных ресурсов, которые в целом подтвердились с семидесятых годов. Другой ошибкой было датировать начало нефтяной эры – ее истории, политики и экономики – не ранее 1859 года, когда первая нефтяная скважина в Америке была пробурена на северо-западе Пенсильвании. По крайней мере, подразумевалось, что нет сколько-нибудь значимого более старого прецедента.

Политически и исторически это близоруко. Нефть – не современное энергетическое открытие. Само слово восходит к греческому *elaia*, которое превратилось в *oleum* в латыни, затем в *oile* в старофранцузском и средневековом англо-французском. В Библии, особенно в книге Бытия, есть упоминания асфальта, смолы и нафты. В средневековых Месопотамии и Персии существовали местные чиновники по нефти. В Европе эпохи Возрождения нефть добывалась из оливок, рыбы, свиного сала, семян, орехов и горных пород. По некоторым данным, слово «петролеум» (латинское «каменное масло») впервые появилось в *De re metallica*, трактате 1556 года, написанном уроженцем Германии Георгом Бауэром (писавшим под именем Георгиус Агрикола), которого широко считают отцом минералогии; другие ученые относят его использование к XIV веку. Так называемое каменное масло производилось в нескольких частях Германии и Восточной Европы. Все это имеет значение.

К средним векам баски и скандинавы добывали китовый жир в Бискайском заливе и Северной Атлантике. После того как великая испанская армада была рассеяна и потоплена в 1588 году, отчаявшийся испанский флот призвал на службу сведущих в китовом промысле баскских моряков. Многие из них предпочли вместо этого уйти к голландцам, которые к 1620-м годам оказались контролирующими значительно расширившуюся европейскую китобойную торговлю. Ее центром были воды вокруг Шпицбергена – бесплодного острова площадью 15 000 квадратных миль чуть севернее Полярного круга, который тогда принадлежал голландцам и назывался островом Амстердам. Там производство масла для ламп Европы породило разгульную атмосферу, не похожую на ту, что позже возникла в американских промышленных бумовых городках.

Американцы середины XIX века были грамотным и читающим народом. Спрос на освещение в ночное время намного превышал четыре миллиона баррелей китового масла, ежегодно производимого нефтеперерабатывающими заводами Новой Англии и Нью-Йорка. Именно по этой причине спонсоры Дрейка из Коннектикута отправили его в долину Ойл-Крик. Журналисты и предприниматели осознавали преемственность. Первые нефтяные фонтаны в округе Венанго вызывали возгласы «Ура!», подобные моряцкому «Вот она бьет!» при виде струи крупного кашалота. В 1861 году *Vanity Fair* опубликовал карикатуру, на которой киты в официальных нарядах присутствуют на балу в честь скважины Дрейка и произносят тост в честь новой технологии, которая избавила их от гибели.

Дешевое и обильное новое топливо вскоре подняло энергопотребление на революционный уровень. Но эти несколько абзацев должны прояснить одну вещь: нефть не была физическим или коммерческим громом среди ясного неба. Три века развития нельзя, по словам одного гордого своей технологичностью американского нефтяного музея, сбрасывать со счетов, как несколько тысяч баррелей керосина, произведенного из каменного масла, которое вручную добывали крестьяне в Восточной Европе. Диорамы и картины безумно-китового Шпицбергена в амстердамском Рейксмюсеуме изображают один из самых ранних серьезных

индустриальных ландшафтов. От Румынии до Норвегии, от Китая с его бамбуковым бурением до источников, текущих вдоль Каспийского моря, которые так впечатлили Марко Поло, – средневековые знали нефть во многих ее проявлениях. Греческий огонь (сходный с напалмом) был знаменитым военным оружием. И даже два выдающихся ранних варианта двигателя внутреннего сгорания – портала в эпоху пика нефти – использовали иные виды топлива: оригинальный Ford Model T работал на этаноле из кукурузы, а изобретение Рудольфа Дизеля 1892 года было задумано для работы на арахисовом или растительном масле, которые легко производить.

В современную эпоху нефтяной геополитики после Первой мировой войны было не случайно, что Британия и Нидерланды, наряду с богато одаренными Соединенными Штатами, владели ведущими нефтяными гигантами, знаменитыми «семью сестрами»: Esso, Texaco, Socony, Socal, Gulf Oil, British Petroleum (тогда Anglo-Persian Oil Company) и Royal Dutch/Shell. Для Британии и Голландии объяснение крылось в морской и имперской истории – наследии далеко раскинувшихся империй и сфер влияния. В 1890-х годах нефтяные месторождения, выросшие в Royal Dutch, были найдены в Голландской Ост-Индии – архипелаге, который голландские торговцы изначально захватили ради пряностей в 1620-х годах. Карибские острова Нидерландских Антильских островов, колонизированные в 1630-х годах в погоне за торговлей и месторождениями соли, также окупались триста лет спустя. Часть нефти нашли на месте, а Royal Dutch получил концессии на богатые новые месторождения в соседней Венесуэле. На голландском острове Аруба были построены огромные и прибыльные нефтеперерабатывающие заводы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.